

Оглавление

Предисловие.....	4
1918–1933. «Новый мир» и «славянская Монголия»	6
1933–1939. «Диктатура во имя человека и будущего». Симпатия на расстоянии.....	34
1939–1945. «Примирение демократии и социализма»? Вторая мировая война.....	73
1945–1948. Антикоммунизм означает «фашизм»? Личное дело Томаса Манна	96
1949–1950. «Автократическая революция». Продолжение личного дела Томаса Манна	123
1950–1952. Борьба за мир и «партийная независимость». Продолжение личного дела Томаса Манна	142
1952–1955. «Приверженность Западу» — и Сталинская премия.....	164
Итоги	196
Библиография	200
Указатель имен	205

Предисловие

После рассекречивания архивных материалов широкая публика не без изумления узнала, что ФБР, Государственный департамент и военная разведка США вели непрерывное наблюдение за немецкими политическими иммигрантами. Томас Манн (1875–1955), живший в Америке с 1938 по 1952 год, и члены его семьи входили в их число. В таком надзоре не было, однако, ничего необычного: Томас Манн, лично знакомый с президентом Рузвельтом и входящий в высшие круги американского общества, был заметной и влиятельной фигурой. Оставался он ею и во время холодной войны между США и СССР.

Неожиданным представляется скорее тот факт, что задолго до прихода к власти Гитлера и начала эмиграции за Томасом Манном так же внимательно наблюдали и компетентные службы Советского Союза. Обстоятельства его жизни и творчества были им хорошо известны еще с двадцатых годов. Не позднее 1946 года в учетном секторе отдела ЦК ВКП(б) на него было заведено личное дело. Томас Манн не был ни ученым, ни политиком, ни промышленником. В чем причина столь пристального интереса Советов к «буржуазному» писателю-модернисту, ни разу не бывавшему ни в России, ни в СССР и — в отличие от Шоу, Фейхтвангера и своего брата Генриха Манна — избегавшему слишком явно петь дифирамбы коммунистическому режиму и его вождям?

Интерес был обоюдным. Отношение Томаса Манна к стране Ленина-Сталина во многом определяло его взгляды. Оно прошло долгий путь развития — с 1918 года, когда патриот и монархист, потрясенный поражением Германии в войне, вдруг ощутил начало новой исторической эпохи, — и до 1955 года, когда всемирно известный литературный мэтр едва не стал лауреатом Сталинской премии мира. В чем причина неизменной, хотя и сдержанной симпатии к СССР со стороны западного интеллектуала, не увлекавшегося, в отличие

от многих своих собратьев, ни марксизмом-ленинизмом, ни персонально Лениным или Сталиным?

Задача данной книги — в частности, на основе малоизвестных архивных материалов выявить причины и мотивы «платонической», но неразрывной связи между автором «Волшебной горы» и Советским государством.

1918–1933

«Новый мир» и «славянская Монголия»

<...> представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно крохотное созданище, вот того самого ребеночка <...>, и на неотмытых слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги! — Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алеша.

*Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*¹.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится письмо Томаса Манна к Ивану Наживину от 18 апреля 1926 года.

Уважаемый господин Наживин, — писал Томас Манн, — Ваши любезные строки и роман «Распутин» доставили мне большую радость. Наверное, Вы знаете о глубокой симпатии и почтении, которые я издавна испытывал к литературе Вашей страны. Поэтому мне было особенно приятно познакомиться с русским автором Вашего ранга, который до сих пор каким-то необъяснимым образом оставался мне неизвестным. Ваш «Распутин» — монументальное произведение, я прочел его с большой для себя пользой в историческом, культурном и художественном отношении. Надеюсь, что Вы довольны немецким переводом и что на нашу публику Вы произведете такое же глубокое впечатление, какое Ваш роман, без сомнения, произвел у Вас на родине. Я приветствую Вас с выражением неподдельного восхищения.

Преданный
Томас Манн².

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. XIV. С. 223–224.

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 2. Ед. хр. 26. Все права защищены. Изд-во «С. Фишер» (Франкфурт-на-Майне). Здесь и далее, за исключением специально указанных мест, перевод с немецкого мой. — *А. Баскаков.*

Кем был Иван Наживин? И насколько серьезно следует относиться к комплиментам Томаса Манна по его адресу?

Иван Федорович Наживин, родившийся в Москве в 1874 году, был представителем того же поколения, что и два других русских писателя, которых Томас Манн знал лично: Иван Бунин и Иван Шмелев. Тому же поколению принадлежал и сам Томас Манн. Как и Манн, Наживин был сыном коммерсанта. В отрочестве он, подобно своему немецкому собрату по перу, не отличался прилежанием и на седьмом году обучения был исключен из школы. В литературе оба писателя дебютировали примерно в одном и том же возрасте. На этом сходство их биографий заканчивается. Роман «Будденброки» (1901) принес молодому Томасу Манну общенациональную известность, тогда как рассказы Наживина о жизни простого народа еще долго оставались на периферии литературного ландшафта. В начале XX века Наживин, по его словам, придерживался «очень левых» политических взглядов и находился под влиянием модного тогда социально-религиозного учения Льва Толстого. Он переписывался со своим кумиром и не раз приезжал к нему в Ясную Поляну. 11 октября 1910 года, за полтора месяца до смерти Толстого, его последний секретарь Валентин Булгаков записал в дневнике:

[Наживин] поразил меня своей нетерпимостью и какой-то слепой ненавистью ко всему, что не сходится с его мировоззрением. Социал-демократов он ненавидит, «не пустил бы их в дом», — писал он в одном письме. Из-за двух-трех не нравящихся ему стихотворений готов проглядеть Пушкина. О новейшей литературе слышать равнодушно не может, и тут дело, кажется, не обходится без пристрастия: помилуйте, книги каких-нибудь Андреевых, Арцыбашевых расходятся прекрасно, тогда как его, Наживина, произведения безнадежно залеживаются на полках книжных магазинов!..³

В последующие годы политические взгляды Наживина стали более консервативными, но их идейная основа, как и прежде, оставалась эклектичной. С началом Гражданской войны, в 1918 году он примкнул к Добровольческой армии А.И. Деникина и участвовал в деятельности Отдела агитации и пропаганды при Особом совещании. В 1920 году он с семьей уехал из Советской России и жил

³ Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 389–390.

попеременно в разных европейских странах. Его последним прибежищем стала Бельгия, где он поселился в 1924 году.

В эмиграции взгляды Наживина так и не обрели идейной цельности и полноты. Разочарованный в Западе и неспособный ужиться с русской диаспорой, он в 1926 году подал заявление на репатриацию через советское представительство в Париже. Тремя годами раньше Алексею Толстому, с которым Томас Манн был лично знаком, удалось «вернуться» из парижской эмиграции в СССР. Впоследствии он сделал там блестящую карьеру, вершиной которой стали дружеские отношения со Сталиным. В том же 1923 году из Берлина в Москву вернулся и Андрей Белый. Наживину в репатриации было отказано. Возможно, его имя было недостаточно громким для очередного пропагандного успеха Советов. Свою отрицательную роль могла играть и его слишком явная репутация «реакционера». Вплоть до смерти в 1940 году он жил в Брюсселе. В двадцатые и тридцатые годы он опубликовал в эмигрантских издательствах многочисленные романы, рассказы и публицистические сочинения, но широкой известности так и не достиг. Его роман «Распутин» (1923) вышел в немецком переводе в 1925 году. Германская пресса, в частности газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», чьим читателем был Томас Манн, посвятила этой книге несколько положительных рецензий.

Издатели и редакторы регулярно снабжали Томаса Манна литературными новинками. Писатели — в их числе Бунин и Шмелев — также нередко присылали ему свои сочинения. Ничего необычного не было в том, что и Наживин отправил ему свой недавно переведенный роман. Томас Манн в таких случаях редко писал рецензии. Его ответы ограничивались, как правило, общими словами признательности и благодарности. В этом смысле не было исключением и его письмо к Наживину. Однако в контексте двадцатых годов и ситуации, в которой находился тогда Томас Манн, это письмо представляется немаловажным документом.

Окончание Первой мировой войны в 1918 году обозначило начало новой исторической эпохи. Одним из ее символов стала Россия, где воплощалась популярная еще в XIX веке социалистическая мечта. Западная Европа наблюдала за событиями в России с живым интересом, к которому примешивались беспокойство и страх.

Идея социальной революции традиционно привлекала либеральных интеллектуалов своей «прогрессивностью». Чудовищный террор, о котором рассказывали русские беженцы и другие очевидцы, внушал им ужас и вызывал растерянность.

Поражение Германии осенью 1918 года Томас Манн — патриот и монархист — пережил как личную трагедию. Строй и миропорядок, с которыми он себя отождествлял, рухнули. Преодолев первый шок, он начал постепенно выстраивать для себя новую идеологическую конструкцию, чтобы адаптироваться к новой реальности. Тема революции в России неминуемо должна была стать одним из краеугольных камней этой конструкции.

Поначалу ему представлялась, что послевоенная Германия может стать республикой, но она должна сохранить свою культурно-политическую «позицию середины» между агрессивным, опьяненным своей победой Западом и обезумевшим от кровавой диктатуры Востоком. К 1922 году новая идеологическая конструкция Томаса Манна была в целом построена. Он признал ценности либеральной демократии, в том числе ее благожелательный интерес к социалистической идее, и предпочел сместить столь дорогое ему германское «равновесие» в сторону Запада.

Одновременно, после победы красных в Гражданской войне и образования СССР в 1922 году, возросла актуальность темы Востока и революции. Чтобы придать устойчивость своей новой идеологической конструкции, Томасу Манну пришлось так или иначе сгладить резкое несоответствие между лучезарным образом социализма и массовым террором, сопровождавшим его построение в Советской стране. Писатель не стал утруждать себя долгими размышлениями и в качестве аргумента воспользовался одним из классических европейских мифов — мифом угрозы с Востока. Массовый террор он обосновал «русским» азиатизмом, читай: дикостью и склонностью к анархии. Сама же социалистическая идея неизменно представлялась ему устремленной в будущее и потому глубоко позитивной. Впечатления от мира русской литературы XIX века, которую Томас Манн в 1921 году назвал «возлюбленной сферой»⁴,

⁴ Russische Antologie // Mann Th. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe [далее как GKFA, том и страница]. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2004. Bd. 15.1. S. 333.

придавали этой схеме некоторый диссонанс. Ибо русские писатели — от Пушкина до Чехова, столь ценимые Манном, при всей критической направленности отдельных их произведений, были поборниками гуманности и носителями высокой культуры.

На этом фоне особого внимания заслуживают контакты Томаса Манна с русскими писателями-эмигрантами и его отзывы об их сочинениях. В октябре 1918 года, подавленный вестями с фронтов, он читал только что вышедший в переводе сборник статей Дмитрия Мережковского.⁵ Этого автора Томас Манн открыл для себя еще в начале XX века, и с тех пор книги Мережковского входили в число его любимых. Мережковский эмигрировал в 1919 году и жил сначала в Варшаве, а затем в Париже. В его новой книге были собраны очерки о русских писателях: Льве Толстом, Тургеневе, Тютчеве, Горьком, и о последних событиях в России⁶. В тот же период Томас Манн ознакомился со статьей Сергея Булгакова, изгнанного из своего Отечества в 1922 году, «Героизм и подвижничество».

Вскоре, зимой и весной 1919 года, Томасу Манну — жителю Мюнхена — суждено было стать свидетелем взлета и падения Баварской советской республики, основанной по образцу большевицкой России. Этот опыт, судя по всему, дал его версии «русского азиатизма» решающий импульс, так как в последующее время она лейтмотивом определяла его отношение к Советской стране. 20 апреля 1919 года, за десять дней до падения Баварской советской республики, он возобновил работу над романом «Волшебная гора», в котором тема «азиатского варварства» и подобных ему стереотипов играет немаловажную роль. За несколько дней до этого он встречался за чаем с Эрнстом Бертрамом, который, как зафиксировал Манн, «со здоровой энергией и бюргерским чувством говорил против азиатской сущности большевиков». В начале мая 1919 года в дневнике писателя отмечается беспокойство в связи с «киргизской идеей нивелирования и уничтожения». В конце мая он переживает из-за «монголов». «Следует отметить, — пишет он в заметке

⁵ *Mann Th.* Tagebücher [далее как Тб.] 1918–1921. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1979. S. 40, 45 f. (20.10.1918 и 26.10.1918).

⁶ *Mereschkowski D.* Vom Krieg zur Revolution. Ein unkriegerisches Tagebuch. Deutsch von Albert Zucker. München: R. Piper & Co., 1918.

для берлинской газеты, — что *французский старец*, чей закат жизни скрашивается эти миром [имеется в виду премьер-министр Франции Клемансо и Версальский мирный договор. — А. Б.] имеет *раскосые глаза*. Может быть, у него есть какое-то право крови на то, чтобы покончить с европейской культурой и *расчистить путь славянской Монголии*⁷. Сеттембрини, герою «Волшебной горы» и борцу за европейские ценности, кругом виделись *татарские* лица.

На основе «киргизской идеи нивелирования» и «славянской Монголии» фантазия Томаса Манна создала обобщенный собирательный образ. Это была «по-монгольски нивелирующая культуру <...>, антиевропейская <...> сущность большевизма». В июне 1919 года он сообщал в частном письме, что им «овладело гуманистическое отвращение к этой сущности»⁸. В марте 1920 года он хвалил Ленина за жесткость в делах внешней политики и называл этого воспитанника немецкой философии и политэкономии «Чингиз-ханом»⁹. Окончательное, «геополитическое» обрамление манновская версия теории «азиатизма» получила в 1921 году в его очерке «Гете и Толстой». Падение царя, писал Томас Манн, «расчистило перед русским народом путь не в Европу, а возвратный путь в Азию»¹⁰.

Литература Русского Зарубежья по-прежнему интересовала Томаса Манна. Весной 1920 года он читал новеллы Алексея Толстого¹¹. Предположительно в конце 1922 года он познакомился в Берлине с их автором и с другим писателем, бежавшим от террора большевиков, Алексеем Ремизовым¹². О них, а также об Андрее Белом и Бунине он с коллегиальной симпатией писал в краткой рецензии для сборника «Галерея портретов русской литературы»¹³. Сильное впечатление произвела на него книга Шмелева «Солнце мертвых», перевод которой вышел в Германии в 1925 году¹⁴. В январе

⁷ Тб. 1918–1921. S. 199 (16.04.1919), 223 (02.05.1919), 831. Курсив Томаса Манна.

⁸ Briefe II. 1914–1923 // GKFA. 22. 295

⁹ Тб. 1918–1921. S. 398.

¹⁰ Goethe und Tolstoi // GKFA. 15.1. 928.

¹¹ Тб. 1918–1921. S. 437 (21.05.1920).

¹² Briefe aus Deutschland [II] // GKFA. 15.1. 660.

¹³ Russische Dichtergalerie // GKFA. 15.1. 580.

¹⁴ [Die besten Bücher des Jahres] // GKFA. 15.1. 1054.

следующего года он лично познакомился со Шмелевым в Париже. Там же он общался с Мережковским, Бунинным и философом Львом Шестовым. В 1925 году в статье «Германия и демократия» Томас Манн все еще придерживался своей «геополитически» обобщенной теории «азиатизма»¹⁵, но к этому времени его толкование революции в России стало уже более сдержанным. Заочная полемика со Шмелевым в очерке «Парижский отчет» свидетельствует о том, что миф социализма, т. е. позитивная, рационально «устремленная в будущее» идея, все более привлекала его. Атрибуты, которые хотя бы как-то смогли бы скомпрометировать ее, в том числе и «азиатская» жестокость, отходили для него на задний план. Германское общество начала двадцатых годов с интересом открывало для себя националистическую, «обращенную вспять» мистику — культы, которые восходили к германскому язычеству и были взяты на вооружение НСДАП, основанной в 1920 году. Томас Манн воспринимал эту темную мистику как угрозу своей новой идеологической конструкции. В этих условиях миф социализма казался ему светлым и стабилизирующим началом. О советской действительности он старался высказываться отстраненно и дипломатично.

Весной 1926 года, после богатой впечатлениями поездки во французскую столицу, Томас Манн работал над «Парижским отчетом». К этому времени относится его письмо к Наживину, датированное восемнадцатым апреля. Григорий Распутин, чьим именем озаглавлен трехтомный роман Наживина, был благочестивым сибирским крестьянином и богословом-самоучкой. В 1905 году он прибыл в Санкт-Петербург, где риторическим даром вскоре обратил на себя внимание аристократии и архиереев православной церкви. Через некоторое время он был представлен Николаю II. В 1907 году он временно излечил больного гемофилией наследника престола, которому тогда было три года. Распутину и впоследствии удавалось облегчить его страдания, в результате чего он снискал репутацию целителя-чудотворца и частного друга царской фамилии. Иногда его мнение спрашивали и в связи с политическими делами. Его имя было окружено слухами и домыслами, в частности ему приписывали не подобающее его статусу влияние на ответственные решения

¹⁵ Deutschland und die Demokratie // GKFA. 15.1. 938.

во время Первой мировой войны. В 1916 году несколько высших аристократов заманили его в ловушку и убили. Многочисленные публикации и кинофильмы свидетельствуют о том, что миф Распутина живет и по сей день.

Произведение Наживина не было романом о Распутине. Автор скорее создал панораму общественной жизни России в период примерно с 1913 по 1920 год. Артур Лютер, филолог и знаток русской литературы, писал в предисловии к «Распутину»: «Итак, глубокий пессимизм определяет настроение этой книги». По мнению Лютера, Наживин, изображая революцию, не принимает сторону «белых» или «красных». «Добро и зло он видит равномерно распределенными между обеими сторонами; его герои, по большому счету, “беспутны”, растеряны, они не знают, куда им идти и что с ними будет»¹⁶.

Лютер, однако, не собирался представить читателю безнадежно пессимистический роман. В конце предисловия он отметил, что в этой книге, несмотря ни на что, есть что-то утверждающее, вера и надежда, любовь к человеку. Что касается взглядов Наживина на будущее России, то Лютер цитирует письмо писателя к переводчику романа Эдуарду Зиверту: «Наше спасение состоит в том, чтобы освободиться от грязного кошмара прошлого, не попадая при этом в когти к большевикам»¹⁷. Какую конкретную политическую и духовную форму должно иметь это «спасение», Наживин — что для него характерно — не сообщает. Воззрения его героев — безразлично, консерваторы они, либералы или революционеры, — производят впечатление удручающей банальности.

Насколько же серьезно следует воспринимать комплименты Томаса Манна по адресу Наживина? Может быть, они были только вежливой фразой? Заключительные слова письма создают впечатление, что он либо читал роман Наживина очень поверхностно, либо к тому моменту еще не дочитал до конца. «Надеюсь, — писал Томас Манн, — что Вы довольны немецким переводом и что на нашу публику Вы произведете такое же глубокое впечатление, какое Ваш роман, без сомнения, произвел у Вас на родине».

¹⁶ *Naschwin I. Rasputin.* Leipzig: Dr. Fritz Fikentscher Verlag, 1925. Bd. 1. S. XI.

¹⁷ *Ibid.* S. XIV.

Описание зверств большевиков в конце третьего тома «Распутина» сделало бы публикацию романа в Советском Союзе невозможной. Более того, если бы рукопись попала к властям, то автор был бы неминуемо арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. Мог ли Томас Манн не знать об этом? Его высказывание в данном случае никак нельзя объяснить тривиальной неосведомленностью европейца. Еще в 1919 году он писал о ситуации в Советской стране: «Интеллектуалы, которые отказываются присягать коммунизму, вынуждены голодать, бегать: Мережковский, Андреев. Тирания должна быть страшной»¹⁸. В «Парижском отчете» он выразился о терроре в Советском Союзе еще яснее. Те, кто представляет несравненную эпическую традицию и культуру России, писал он, считаются «там сегодня контрреволюционерами, буржуа, антипролетарскими элементами, политическими преступниками», им приходится «эмигрировать, если удастся спастись»¹⁹. Может быть, Томас Манн ко времени написания письма Наживину прочитал его роман не полностью, только отрывками?

Некоторые обстоятельства говорят о том, что он не только вежливо полистал книгу, которую ему прислал русский коллега. Встреча с эмигрантами в Париже зимой 1926 года стала самым интенсивным личным соприкосновением Томаса Манна с «русской сферой». Подробнее всего он рассказывает в «Парижском отчете» о своем «неформальном» визите к Шмелеву, чья трагическая эпопея «Солнце мертвых» глубоко его взволновала и вызвала у него смешанные чувства²⁰. Письмо к Наживину было, как уже упоминалось, написано в тот же период, особенно тесно связанный для Томаса Манна с «русской» темой.

И в «Солнце мертвых», и частично в «Распутине» жизнь людей при советской власти показана совершенно невыносимой, но в социальном романе Наживина поставлены иные акценты, чем в эпопее Шмелева. В «Солнце мертвых» проведена четкая разграничительная линия между правдой и ложью, свободой и угнетением, добром и злом. Добро в широком смысле ассоциируется

¹⁸ Ть. 1918–1921. S. 137 (20.01.1919).

¹⁹ Pariser Rechenschaft // GKFA. 15.1. 1172.

²⁰ Ibid. S. 1202 f.

с прошлым, т. е. с дореволюционной Россией, которую Шмелев тем не менее не идеализирует. Зло — хаос и смерть — живет в настоящем. В романе Наживина добро и зло «равномерно распределены» между обеими сторонами: в настоящем огромная страна задыхается от слез и крови, а прошлое — «грязный кошмар», от которого надо освободиться. Доктор, один из главных героев «Солнца мертвых», осмысляя происшедшее со страной, сознает, что революционная идея, которой бредила интеллигенция, — обман. Он вспоминает Достоевского, предвидевшего миллионные жертвы социального эксперимента, и напоминает о моральной ответственности Западной Европы, которая наблюдает за муками России с любопытством студента-медика.

Главные герои Наживина тоже осмысляют происшедшее, но не приходят к однозначному пониманию вины и ответственности. Так или иначе им кажется, что все бессмысленно, что люди никуда не годятся и ни во что не верят. Так, Андрей Иванович, вместе с другими арестованными ожидающий в сенном сарае расстрела, восклицает: «Страшно не то, что старая княгиня на воротах болтается, а страшно то, что в душе у него [человека из народа] ничего не осталось. В душе у него нуль, такой nihil <...>»²¹ Так же нигилистически высказывается о настоящем дореволюционной России и Распутин в разговоре с графом Саломатиным. Сам граф был, как не без сарказма сообщает автор, «не только очень образованный, но даже почти ученый человек». Его взгляд на судьбы своего Отечества не мог не напомнить Томасу Манну его собственную теорию «азиатизма», ибо, по мнению Саломатина, «основное несчастье России в том, что, дочь азиатского Хаоса и Анархии, она не имеет, как другие европейские государства, под собой прочного фундамента греко-римской культуры». В ее будущее граф не верил²².

Объективно «Солнце мертвых» ставило под вопрос ту идеологическую конструкцию, над которой Томас Манн неустанно трудился с 1918–1919 годов. В книге Шмелева содержалась принципиально важная мысль: «устремленная в будущее» идея была ложной,

²¹ *Наживин И.* Распутин. С. 218. URL: https://www.litmir.me/br/?b=170987&p=218#section_116

²² Там же. С. 94, 12.

а дореволюционная — Томас Манн называл ее «бюргерской» или буржуазной — форма жизни была нормальной и естественной. Шмелев показал, что мода на идею социализма, которой с восторгом следовали многие «буржуазные» интеллектуалы, безнравственна перед лицом массового революционного террора. В этом вопросе Томас Манн, взявший курс на исторический оптимизм и устремленность в будущее, не мог не почувствовать себя задетым. В «Парижском отчете», заочно полемизируя со Шмелевым, он вступился за «идею». Несмотря на всю пролитую кровь, «идея», по мнению Манна, на стороне Советов, а не одряхлевшего Запада. Буржуазная форма жизни и буржуазный интеллектуализм не являются более устремленными в будущее. В пылу полемики он искажал мотивы Шмелева, приписывая ему точку зрения «буржуазии», и выдвигал аргументы против положений, которых в «Солнце мертвых» не было вовсе²³.

Роман Наживина «Распутин», напротив, объективно подтверждал штампы и мифы, на которых основывался манновский образ России. Он поддерживал иллюзию, что террор и насилие были лишь неким «русско-азиатским» явлением, и таким образом реабилитировал саму по себе «идею», столь дорогую Томасу Манну. В романе Наживина выразилась и другая близкая Томасу Манну мысль: буржуазная (в широком смысле) форма жизни окончательно изжила себя еще до революции. Эти обстоятельства позволяют предположить, что комплименты роману Наживина не были дежурной любезностью со стороны Томаса Манна. Наживин и Шмелев по-разному видели сочетание революционной идеи и ее воплощения в советской действительности. Томасу Манну взгляд Наживина был, безусловно, ближе и понятнее.

Вера и надежда, о которых Артур Лютер писал в предисловии к «Распутину», проявляются в финале романа. Вечером Светлого Воскресения к отцу Феодору, священнику в провинциальном Окшинске, неожиданно приходит известный в городе чекистский комиссар — палач и истязатель — и рыдая молит спасти его окаянную душу... В конце этой сцены, напоминающей романы Достоевского, отец Феодор обращается к образу Спасителя:

²³ Pariser Rechenschaft // GKFA. 15.1. 1204 f.

— Так. Я понял, Господи... Но не раскаянные, торжествующие, наглые? Понять их можно. Простить — за себя — можно. Можно даже признать себя виноватым пред ними. Но — любить... Где же найти силы, Господи?

Христос молчал, но четко выделялись его слова из удивительной Книги: *Бог есть любовь и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем.*

— Все-таки любить? — тихо сказал священник. — Опять принимаю покорностию, Господи, хотя и нет полной ясности сердцу моему...²⁴

Значил ли этот символический финал, что спасение Отечества не было вопросом идеологии и политики, а находилось в области духовного? Через двадцать один год, в январе 1947-го, Томас Манн завершил роман «Доктор Фаустус» схожим по звучанию открытым вопросом: «Скоро ли из мрака последней безнадежности забрезжит луч надежды и — вопреки вере! — свершится чудо? Одинокий человек молитвенно складывает руки: Боже, смилуйся над бедной душой моего друга, моей отчизны!»²⁵

Роман «Распутин» был не единственным произведением Наживина, попавшим в поле зрения Томаса Манна. В 1929 году журнал «Ди шёне литератур» опубликовал отзыв о его новом романе «Ненасытные души» (нем. «Unersättliche Seelen»). Автор публикации, Адольф фон Грольман, писал:

Все русские романы похожи один на другой, как две капли воды, так и здесь: экстравагантности, необузданный реализм и эсхатологическое мистицирование, только в данном случае из вторых рук, с опорой на Достоевского, но, к счастью, более сдержанно, чем у того. Не было ни малейшей причины переводить эту книгу; немецкий автор с этой рукописью не нашел бы издателя; но на переводы деньги есть всегда; конечно, позаботились и о том, чтобы Томас Манн прислал письмо со стереотипным похвальным словом — все это в конце концов уже не выдерживает никакой критики. Русофилы будут довольны: как всегда, тут неизменно одно и то же: наполовину тургеневские «Отцы и дети», наполовину Достоевский — все это можно еще расценить как курьез. Необходимо указать в очередной раз на эти сомнительные стороны, хотя

²⁴ *Наживин И.* Распутин. С. 246–247.

²⁵ *Манн Т.* Доктор Фаустус // Манн. Т. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1961. Т. 5. С. 658.

нельзя не признать, что Наживин умелый рассказчик и что он нашел хорошего переводчика²⁶.

Был ли роман Наживина действительно так плох, или пером фон Грольмана водили ревность к моде на русских авторов и личная неприязнь к Томасу Манну?

Немецкий перевод этого романа вышел в 1928 году. В оригинале он появился лишь в 1933 году под названием «Женщина» в одном из русских эмигрантских издательств в Югославии²⁷. Его главными героями были богемные художники и интеллектуалы, занятые поисками идентичности и эротическими переживаниями. Первая мировая война и революция возвращают их в грубо-реальный мир. Местами герои Наживина полемизируют с идеями «Крейцеровой сонаты» и «Братьев Карамазовых». Веры и надежды в этом его романе так же мало, как и в «Распутине».

Новый роман Наживина создавал впечатление, что российское общество накануне революции 1917 года находилось в лихорадочном идейном дурмане. При этом идеи были в основном разрушительными, но не имели ничего общего с «классовыми интересами» и социальным происхождением их носителей. Так, крупные промышленники — вопреки всяческой марксистской классовой логике — финансировали революционеров-террористов, что, как дает понять Наживин, было признаком тяжелой болезни общества.

Похвальное слово Томаса Манна в рекламном анонсе было не чем иным, как цитатой из его письма к Наживину от 18 апреля 1926 года. Оно была напечатано в альманахе «Нойе рундшау» и звучало следующим образом: «Томас Манн пишет автору: “Наверное, Вы знаете о глубокой симпатии и почтении, которые я издавна испытывал к литературе Вашей страны. Поэтому мне было особенно приятно познакомиться с русским автором Вашего ранга”»²⁸.

²⁶ Die schöne Literatur. Herausgeber Will Vesper. 30. Jahrgang 1929. Leipzig. S. 170 f.

²⁷ *Naschwin I. Unersättliche Seelen.* Leipzig Wien: C. Weller Co. Verlag, 1928; [Наживин И.] Собрание сочинений И. Ф. Наживина. Т. VIII. Женщина. Новый Сад: типография С. Ф. Филонова, 1933.

²⁸ Die neue Rundschau. XXXIX. Jahrgang der freien Bühne. Berlin und Leipzig: S. Fischer-Verlag, 1928; Anzeigen-Beilage zur Neuen Rundschau. Hf. 12. Dezember 1928. S. 31.

Цитата не относилась непосредственно к новому роману Наживина, поэтому остается открытым вопрос, прочитал ли Томас Манн «Ненасытные души» или только воспользовался своим письмом трехлетней давности, чтобы по просьбе издательства поддержать их автора. Пути Томаса Манна и Наживина с этого времени больше не пересекались.

Нестабильность Веймарской республики побуждала Томаса Манна к новым публицистическим выступлениям. Буржуазная форма жизни, как он полагал, отживала свое; искусственно возрожденное и вошедшее в моду древнегерманское язычество, которое питало национал-социализм, он считал обращенным вспять, варварским и опасным. Демократ умом и консерватор душой, он продолжал неустанно трудиться над идеологической конструкцией, которая обосновала бы прежде всего его собственное место в новой реальности. В 1928 году он предложил синтез немецкой культурной традиции и «устремленной в будущее» идеи социализма. В статье «Культура и социализм» он писал:

Что было бы необходимо, что могло бы быть окончательно немецким, так это союз и соглашение между консервативной идеей культуры и революционной общественной мыслью, точнее говоря, между Грецией и Москвой — однажды я уже пытался поставить этот вопрос во главу угла. Я говорил, что дела в Германии наладятся, а сама она обретет себя лишь тогда, когда Карл Маркс прочтет Фридриха Гельдерлина, — встреча, которая, кстати, уже находится на пути к осуществлению²⁹.

Как, по его мнению, эту идею можно воплотить политически, какую форму она должна была бы иметь на практике, Томас Манн, однако, не указал. В этом смысле его выступление напоминает абстрактно-теоретические дискуссии героев Наживина.

Правители Советского Союза умело пользовались великой русской литературой. Произведения классиков XIX века, снабженные соответствующими комментариями, издавались в СССР крупными

²⁹ *Mann Th. Kultur und Sozialismus // Mann Th. Gesammelte Werke: in 13 Bde. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1990 [далее как GW, том и страница]. Bd. XII. S. 649.*

тиражами. Советские комментаторы делали акцент на критике общества в отдельных произведениях и стремились загнать их идеи в прокрустово ложе марксизма-ленинизма. То, что не устраивало советских идеологов, либо замалчивалось, либо подвергалось цензуре. Жертвами этого однобокого подхода становились прежде всего такие комплексные авторы, как Достоевский и Лев Толстой. В его русле намечалось празднование столетнего юбилея Толстого в 1928 году. Как отрицатель всех российских институтов власти поздний Толстой объективно был союзником большевиков, и эта его роль активно разрабатывалась советской пропагандой. Пацифизм и непротивленчество Толстого, напротив, затушевывались.

Но уже при подготовке юбилейных торжеств в Москве не все пошло по плану организаторов. Во-первых, еще не было полного списка западноевропейских и американских писателей, которые могли бы считаться симпатизантами советского строя. Ответственные службы СССР, вероятно, не были уверены в благонадежности того или иного автора и весомости его слова в политической полемике на Западе. Об этом свидетельствует бессистемность в выборе приглашаемых гостей: как представитель Германии — в последний момент — был приглашен Бернгард Келлерман; Австрию доверили представлять Стефану Цвейгу, который также получил «легитимацию» незадолго до начала торжеств. От Великобритании, Франции и США не было никого. Несколькими годами позже эта неловкость была исправлена. Советские специалисты составили компетентную «табель о рангах», в которой, помимо прочих, значилось и имя Томаса Манна. О ней речь будет позже.

Во-вторых, Александре Толстой, дочери великого писателя, удалось сместить акцент торжественных мероприятий на пацифизм в творчестве Толстого. К моменту юбилея Александра Толстая уже имела за плечами специфический опыт общения с советской властью. В 1920 году она была арестована ВЧК по подозрению в антисоветской деятельности и приговорена к трем годам заключения. Через год она была досрочно освобождена и назначена хранительницей музея ее отца в Ясной Поляне. В 1929 году Александра Толстая воспользовалась поездкой с лекциями в Японию, чтобы навсегда покинуть Советский Союз и переехать в США. В 1939 году Томас Манн познакомился с ней в Нью-Йорке.